

Стихотворение «Скифы»

В. Назаров

Интересно, по-блоковски захватывающе стихотворение Блока «Скифы», которое можно назвать «небольшой поэмой», так как оно по своему идейному содержанию, наивысшей напряженности авторского чувства, глубине выражаемой поэтом темы может сравниться с другим произведением автора — поэмой «Двенадцать».

В апреле 1917 года Блок писал:

«Пусть, пусть еще повоюет Европа, несчастная, истасканная кокотка: вся мудрость мира протечет сквозь ее испачканные войной и политикой пальцы, — и придут другие, и поведут ее, “куда она не хочет”. Желтые что ли?»

Призрак «желтого нашествия», оживленный фантазией Вл. Соловьева, вставал воочию и перед его учеником. Для своих «Скифов» Блок берет эпиграф из Вл. Соловьева:

«Панмонголизм! Хоть имя дико, но мне ласкает слух оно».

Проблема — старая: Россия и Европа, Восток и Запад. Блок максималистски обостряет постановку вопроса: либерально-постепеновская, эволюционная, мещански-цивилизованная, «пригожая» Европа — с одной стороны, и стихийно-бунтарская, со знаменем мировой социальной революции, «скифская», анархо-максималистская Россия — с другой. Они сталкиваются. Европа, кичащаяся своею культурностью, наводит на Россию «пушек жерла», готовая без конца длить кровавую бойню. Россия, при всем своем «скифском варварстве», оказывается гуманнее, человечнее Европы. Россия — всечеловечна: она призывает народы к «миру всего мира»:

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет? Если Европа не откликнется на братский призыв?

А если нет — нам нечего терять...

...
Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Стихотворение «Скифы» писалось в эпоху брестских переговоров о мире, когда братская рука, протянутая Россией на Запад, висела в воздухе, когда определялась вся угрожающая позиция старой Европы по отношению к молодой Советской России, и брестский мир еще не был подписан.

В дневнике Блока от 11 января читаем:

«“Результат” брестских переговоров (т. е. никакого результата, по словам “Новой Жизни”, которая на большевиков негодует). Никакого — хорошо-с!

...Мы — варвары. Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары. И наш жестокий ответ, страшный ответ — будет единственно достойным человека».

Блок дает достойный отпор иностранным империалистам... Но если проанализировать это изумительное по силе художественной изобразительности стихотворение, то можно определить, что подход поэта к событиям не трезво-реалистический, а сугубо-

реалистический: левое славянофильство, революционное народничество — вот закваска этого стихотворения:

Но сами мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

И снова поэт ориентируется не на передовой отряд революции — городской индустриальный пролетариат, высоко дисциплинированный, прошедший суровую школу революционного марксизма. Ориентация поэта в этом стихотворении — на отсталые крестьянские массы («скифы»), безудержно стихийные в своем бунтарском размете, анархически-буйные, — но всегда лелеющие в последнем сознании своем идеалы всечеловеческого мира и братства:

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Н. Горбунов

В стихотворении «Скифы» Блок с новой силой ставит старый вечный вопрос — о Востоке и Западе, о России и Европе. Не раз русские поэты и художники (еще от «Слова о полку Игореве») вплотную подходили к этой теме, не раз за последние сто лет ставили они лицом к лицу две мировые силы, которые должны либо столкнуться и погибнуть под развалинами старого мира, либо слиться и воскреснуть в мире новом:

О, старый мир! Пока ты не погиб.
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Вот миссия России — в прошлом и будущем, в это верит Блок. Поэт идет дальше внешнего противопоставления Европы и Запада. И в Европе реакционной, и в Европе революционной, в самом духе «пригожей Европы» он видит глубокую внутреннюю противоположность свойственного России духа «максимализма»:

Да, Скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

И эта духовная «жадность» России, это ее «скифство» — непримиримо сталкиваются с выдержанным и внешне сильным «постепеновством» старой Европы. Она уверенно и умеренно веками плетет крепкую сеть своего «прогресса»; грома истории, «молния — кормчий» — ей чужды и непонятны. И в этом вечное разделение Востока и Запада.

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Чтобы наставить пушек жерла!

Два врага стоят лицом к лицу: русский, «скиф» и европеец, «мещанин», новая Россия и старая Европа. И если есть у России миссия, то вот она: взорвать изнутри старый мир Европы своим «скифством», своим духовным и социальным «максимализмом», — сделать то самое, что когда-то старый мир сделал в обратном направлении с духовным и социальным максимализмом христианства. Старый мир вошел в это «варварство» и взорвал его изнутри: он омещанил собою христианство. И вот теперь миссия новой России

— насытить духом максимализма «культурный» старый мир. Ибо только этот духовный максимализм, это «скифство» открывают путь к тому подлинному освобождению человека, которое так и не удалось христианству, ибо само христианство «не удалось».

Вот та идея, которую вкладывает поэт в вековое, в вечное противопоставление России и Европы, вот то новое, что звучит в его поэтическом манифесте. Не государственное, национальное, религиозное ставится здесь вперед, а народное — поскольку можно говорить о народной душе России.